

На правах рукописи

ЧЕРЕДНИЧЕНКО Андрей Геннадьевич

**ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МИФОТРАДИЦИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ САКРАЛЬНЫХ ГЕНЕАЛОГИЙ)**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Белгород 2006

Работа выполнена на кафедре культурологии и теологии
Белгородского государственного университета

Научные руководители:

доктор исторических наук **Белоножко Елена Петровна,**
доктор философских наук **Климова Светлана Мушанловна**

Официальные оппоненты:

доктор философских наук **Майданский Андрей Дмитриевич,**
кандидат философских наук **Колесник Валерия Николаевна**

Ведущая организация:

Курский государственный политехнический университет

Защита диссертации состоится «24» мая 2006г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.015.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Белгородском государственном университете по адресу: 308008 г. Белгород, ул.Преображенская, 78, социально-теологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белгородского государственного университета (308015, г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «21» апреля 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

С.М. Климова

2006А
9231

ОБЩАЯ ХАРКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Взгляд на бытие человека *sub specie aeternitatis* («с точки зрения вечности») позволяет согласиться с М. Бубером, по мнению которого в человеческой жизни постоянно сменяют друг друга периоды «бездомности» и «обретения дома», т.е. фундаментального архетипа культуры этноса. Российская цивилизация в настоящее время переживает очередной период «обретения дома», сопряженный с поиском собственного «архэ», возвращением и возрождением исконных духовных ценностей. Это обуславливает актуальность изучения истоков российской цивилизации. Основу ее составляют православие, а также духовное наследие древнего славянства. Православие определило ход развития российской цивилизации. Православное христианство пришло на Русь не с огнем и мечом, как латинство к полабским и поморским славянам, а с евангельской проповедью, что предопределило уникальное слияние славянского и привнесенного из Византии православного начал в древнерусской культуре. Крещение помогло восточным славянам достроить свой первый «дом» – Киевскую Русь. В фундаменте этого «дома» было духовное наследие Византии и славянства. Русская Православная Церковь спасла русский народ и его культуру в период «бездомности», связанный с татаро-монгольским нашествием и игом, и помогла построить «новый дом», который стал «третьим Римом». Фундаментом этого «дома» стало духовное наследие Киевской Руси.

Современная наука установила факт существования общеиндоевропейского языка (праязыка), праиндоевропейского этноса в виде соплеменности (или племени), праиндоевропейской культуры как реальности эпохи неолита. Выделяясь из массива праиндоевропейских племен и расселяясь по дальним землям, древние индоевропейцы, в т.ч. праславяне, уносили с собой не только диалекты общеиндоевропейского языка, превратившиеся впоследствии в праязыки различных групп индоевропейской языковой семьи, но также древнейшие индоевропейские мифы и верования. Вот почему важно изучать славянское духовное наследие, в т.ч. мифологию, в общеиндоевропейском контексте. Чрезвычайно актуальным представляется также определение того региона, где предки славян впервые «обрели дом» и откуда начали свой исторический путь.

Степень разработанности проблемы. По мнению А.Ф. Лосева, мифология является идеологией первобытной эпохи. Человеческое мышление в «доисторический период» (т.е. в период истории человечества до появления письменности) в основном является мифологическим. Вся его социально-экономическая и вообще социально-историческая жизнь базировалась на безусловной понятности и всеобщности родственных и вообще родовых связей. Ф.Х. Кессиди указал, что в мифах, отражающих мироощущение и представления о мироздании первобытного человека (т.е. человека

архаического или традиционного общества), мир уподобляется универсальной (космической) родовой общине.

Что касается дефиниции понятия «миф» (речь идет, прежде всего, об архаическом мифе), то можно выделить ряд точек зрения, которые, по сути, характеризуют разные его стороны. Х.-Г. Гадамер, исходя из значения греческого слова *μῦθος* «речь, слово, совет, предмет обсуждения, замысел, изречение, толки, слух, весть, известие, рассказ, сказание, предание, сюжет», определил мифы как истории о богах и их поступках в отношении людей, а также как истории самих богов. По словам М.И. Стеблин-Каменского, миф – это повествование, которое там, где оно возникало и бытовало, принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно. И.Г. Франк-Каменецкий, опирающийся на труды Э. Кассирера, Н.Я. Марра, определил миф как явление человеческого сознания, возникшее на почве «неточности» человеческой речи и обусловленное присущей ей метафоричностью. По мнению О.М. Фрейденберг, философски миф представляет собой систему значимостей (метафор), которые не связаны причинно-следственной зависимостью, а в равной степени обозначают, хотя и на различный лад, основной смысл мифа (образ). Согласно точке зрения М. Элиаде, миф, возникший в архаическом и традиционном обществе, излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена («начала всех начал»). Миф, рассказывая о деяниях сверхъестественных существ и о проявлении их могущества, становится моделью для подражания при любом сколько-нибудь значительном проявлении человеческой активности. Г. Надь, вслед за В. Буркертом, определяет миф как традиционное повествование, используемое для обозначения реальности. Миф – это прикладное повествование, которое описывает значимую и существенную реальность, имеющую практическую ценность не для отдельной личности, а для целого сообщества. По мнению Ф.Х. Кессиди, миф – это особый тип мироощущения, специфическое чувственное представление о явлениях действительности, возникшее в древнейшие времена. В мифологии отразились представления людей о мире и жизни И.М. Дьяконов, рассматривая архаические мифы Востока и Запада, также дал определение понятию «миф». По мнению И.М. Дьяконова, миф – это не символ или аллегория, а эмоционально окрашенное событийное осмысление феноменов мира, а также предмет веры. Данные подходы позволяют определить миф как выражение физиологически обусловленной социальной психологии средствами тропики (метонимий и метафор), а мифологические божества есть выражение причинно-следственных связей, рассматриваемых в социальной психологии как движущие силы социально-психологически воспринимаемых феноменов. Следовательно, миф – это вид динамического отношения между средой и социумом, один из видов социального поведения.

Описывая сущность мифологии и особенности первобытного мышления в системе «язык – миф», следует выделить ряд теорий. Так как история изучения данного круга проблем насчитывает сотни гипотез, концепций и точек зрения (начиная с Дж. Вико, А.С. Хомякова и др.) и заслуживает отдельного исследования, выделим ведущие концепции XX – начала XXI в. Сторонники обрядовой (ритуально-мифологической) теории (например, М. Элиаде, Г. Надь), вслед за Дж.Дж. Фрэзером, считают, что основная функция мифа – объяснительная, т.е. мифы были созданы для объяснения ритуалов. Однако этиологические мифы – это только одна из разновидностей мифов. Дж.Дж. Фрэзер исследовал, прежде всего, первобытную магию и связанные с ней ритуалы. В работах Э.Б. Тайлора центральное место занимает анимизм, который трактуется как зародыш всех религиозных верований и основа мифологии. В исследованиях Э. Дюркгейма, К. Леви-Строса, С.А. Токарева, В.Р. Кабо большое внимание уделяется тотемизму как одной из ранних форм религии и основ мифологии. С.А. Токарев, В.Р. Кабо рассматривали миф в связи с его объяснительной функцией и склонялись к примату ритуала над мифом. В работах В.Я. Проппа также найдено отражение обрядовая трактовка сущности мифов. В аналитической психологии получило развитие толкование мифологем (образов мифов) как символов. К.Г. Юнг пытался уловить, прежде всего, в сновидениях и мифах, некоторое количество стойких, передающихся по наследству, присущих всему человечеству основных символов, лежащих в основе деятельности человеческой фантазии, так называемых «архетипов коллективного бессознательного». Анализируя их, К.Г. Юнг пришел к выводу, что мифология – это «коллективная психология». Безусловно, интересно наблюдение, согласно которому мифотворчество вообще является неотъемлемой чертой человеческого сознания в любые исторические эпохи. Однако в работах К.Г. Юнга часто игнорируется историческая специфика мифа.

По мнению Л. Леви-Брюля, первобытное мышление (*mentalité primitive*) является «пралогическим/дологическим» (*prélogique*) и «мистическим» (*mystique*), то есть оно безразлично к противоречию и не различает естественное и сверхъестественное. Согласно точке зрения О.М. Фрейденаберг, первобытное мышление конкретно, нерасчлененно и образно. И.Г. Франк-Каменецкий, вслед за Э. Кассирером, Н.Я. Марром, охарактеризовал первобытное мышление как дологическое. Основоположник структурной антропологии К. Леви-Строс доказал потенциальное равенство логической мощи мышления людей традиционных обществ и мышления носителей современной европейской цивилизации. В мифах он выделял случаи элементарной симметрии, т.е. противоположности и то, что образует промежуточное звено между двумя противоположностями. К. Леви-Строс трактовал структуру мифа как его содержание. Но содержание мифа может быть истолковано двояко. С одной стороны, содержание всякого мифа – это

абстрактная модель человеческой мысли, модель логического инструмента, сводящаяся к бинарному анализу, т.е. разложению на оппозиции и нахождению промежуточного члена в каждой оппозиции. С другой стороны, содержание мифа – это некоторая конкретная оппозиция с ее промежуточным членом, трактуемая как разрешение некоторого конкретного противоречия. Концепция К. Леви-Строса поддержана многими культурологами. К ней, по сути, близка концепция Е.М. Мелетинского, изучавшего поэтику мифа.

Среди исследований конца XX – начала XXI в., посвященных изучению мифов и мифосознания, следует выделить работы В.П. Римского, А.Е. Лукьянова, М.К. Петрова, Ю.С. Осаченко, Л.В. Дмитриевой, Н.П. Лосевой, А.Ф. Косарева. Например, в исследованиях В.П. Римского первобытное мифосознание рассматривается как фактор регулирования кровнородственных отношений. Это проявлялось в воспроизводстве дуальной психологической структуры «мы – они» и ее закреплении в первичных тотемических классификациях, первобытных табу – первых нормативно-волевых ценностях человечества. Миф явился исходной формой производства идеального.

Мифологические традиции можно определить как системы мифов конкретных этносов. Мифы зафиксированы в фольклоре, эпосе, древних и средневековых нарративных текстах. Из мифологических традиций индоевропейских народов в письменных *источниках* и эпических произведениях лучше всего сохранились древнегреческая (поэмы Гомера и Гесиода, «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского, «Мифологическая библиотека» Аполлодора и т.д.), древнеримская («Энеида» Вергилия, «История Рима» Тита Ливия, «Мифы» и «Астрономия» Гигина и т.д.), индоарийская (Ригведа, «Махабхарата», «Рамаяна» и т.д.), ираноарийская (Авеста, «Бундахишн», «Шах-наме» Фирдоуси и т.д.), скифо-сарматская или восточноиранская/туранская (Нартский эпос), армянская («История Армении» Мовсеса Хоренаци и т.д.), кельтская («Книга захватов Ирландии», ирландские саги и т.д.), германская («Старшая Эдда», «Младшая Эдда», «Хеймскрингла», «Гетика» Иордана и т.д.). Хетто-лувийская, фригийская, славянская, балтская, фракийская, иллирийская, италийские, тохарская традиции зафиксированы лишь фрагментарно. Несмотря на изменения, которые претерпели мифологии индоевропейских народов в ходе исторического развития, с помощью сравнительно-исторического метода можно вычленить их архаическую основу. В трудах основоположника «новой сравнительной мифологии» Ж. Дюмезиля, который не ограничивался лишь выяснением этимологии названий мифических образов, но и исследовал их функции, центральное место занимают именно индоевропейские мифологические традиции. Опираясь на сравнительно-исторический метод, Ж. Дюмезиль выдвинул гипотезу о характерном для всех древних индоевропейцев «трехчастном» устройстве общества, т.е. делении общества на сословия-варны жрецов, воинов и скотоводов-земледельцев.

Можно не согласиться с утверждениями, что концепция «трехчастного» устройства общества верна и для праиндоевропейского периода, так как в эпоху неолита еще не существовало сословное деление общества. Но методы «сравнительной мифологии» можно и должно применять для реконструкции праиндоевропейских мифологем. Следует обратить внимание также на то, что Ж. Дюмезиль, разрабатывая свою концепцию, опирался, прежде всего, на данные индоарийской, иранской, римо-италийской и древнегерманской мифологических традиций. Как правило, древнегреческая мифология оказывается вне поля зрения исследователей индоевропейских древностей. Это связано с распространенным среди индоевропейцев и антиковедов мнением (В.В. Иванов, И.М. Дьяконов, О.Н. Трубачев, Ю.В. Андреев, А.И. Зайцев, Г. Надь и др.), что прагреки пришли на юг Балкан только на рубеже III – II тысячелетий до н.э., а основу греческой мифологии составляют мифы «неиндоевропейского эгейского субстрата». Значение же «индоевропейского прагреческого адстрата» определяется как вторичное. Насколько верен такой подход, можно выяснить, только локализовав регион, откуда пришли прагреки (если они не являются автохтонным населением юга Балкан), и определив этнический состав «эгейского субстрата». Таким образом, для изучения индоевропейских мифологий оказывается актуальной проблема локализации прародины индоевропейцев, т.е. древнейшего ареала индоевропейского этногенеза, глоттогенеза и культуругенеза. Эта проблема является главной в индоевропеистике.

Предлагая пути решения основной проблемы индоевропеистики, исследователи обычно опираются лишь на данные лингвистической палеонтологии и археологии. По мнению М. Гимбутас и Дж.П. Мэллори, прародиной индоевропейцев, скорее всего, являются степи Евразии между Уралом и Черным морем в эпоху неолита, энеолита и ранней бронзы. При этом сторонники данной гипотезы не учитывают, например, данные финно-угроведения, позволяющие локализовать в Приуралье финно-угорскую прародину. В последние десятилетия XX в. концепции индоевропейцев относительно локализации древнейшего ареала индоевропейского этногенеза, глоттогенеза и культуругенеза приобрели общую черту. Так, по мнению, выраженному К. Ренфрю, индоевропейскую прародину следует отождествить с одним из центров неолитизации, т.е. с одним из очагов возникновения производящего хозяйства. Но с каким именно центром неолитизации следует отождествить прародину индоевропейцев, исследователи решают по-разному. Например, В.В. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе определили в качестве древнейшего ареала индоевропейского этногенеза, глоттогенеза и культуругенеза северные районы ближневосточного Плодородного Полумесяца (Северная Месопотамия и Армянское нагорье). Дж. Мелларт локализовал прародину индоевропейцев на полуострове Малая Азия (ареал неолитических культур Чатал-Хююк и

Хаджилар). В. Георгиев, И.М. Дьяконов, О.Н. Трубачев, Л.А. Гиндин, В.Н. Топоров определяли в качестве индоевропейской прародины Балкано-Дунайский регион. Н.Я. Мерперт и Е.Н. Черных связали с праиндоевропейцами археологические культуры Циркумпонтийского региона (земель вокруг Черного моря) IV – III тыс. до н.э. По мнению В.А. Сафронова, следует говорить о трех индоевропейских прародинах. Раннеиндоевропейскую прародину можно отождествить с ареалом археологических культур Чатал-Хююк и Хаджилар (VIII – VI тыс. до н.э.) в Малой Азии. Среднеиндоевропейская прародина – ареал цивилизации Винча (V – конец IV тыс. до н.э.) на севере Балканского полуострова. Позднеиндоевропейская прародина – ареал культуры Лендьел и культуры воронковидных кубков (IV – начало III тыс. до н.э.) в Центральной Европе. Авторы данных концепций (за исключением В. Георгиева) не относят юг Балкан и острова Эгейды к ареалу индоевропейской прародины, хотя в бассейне Эгейского моря сформировались древнейшие неолитические культуры Европы.

Так как для представителей архаических и традиционных обществ мир является космической родовой общиной, необходимо обратить внимание на индоевропейские мифологические традиции как на еще один источник данных для поиска прародины индоевропейцев. Решение основной проблемы индоевропеистики возможно лишь на основе синтеза материалов лингвистической палеонтологии, археологии и сравнительной мифологии.

Цель исследования – выявление, описание и анализ архаических индоевропейских мифов как сакральных генеалогий, отражающих понимание мироздания древними индоевропейцами как космической родовой общины.

Реализация обозначенной цели обусловила постановку и решение конкретных задач:

- реконструировать праиндоевропейские мифологемы (мифологические образы) и выявить их связь с воззрениями древних индоевропейцев на мир и свое место в мире, опираясь на методы сравнительной мифологии;

- проанализировать и сопоставить ономастику мифологических традиций всех индоевропейских народов;

- выявить и описать ареал локализации праиндоевропейских мифологем, как в сакральном, так и реальном пространстве и времени.

Объект исследования – индоевропейские мифологические традиции, зафиксированные в священных текстах, фольклоре, эпосе индоевропейских народов, произведениях древних и средневековых авторов.

Предметом исследования являются сакральные генеалогии всех индоевропейских народов.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют философские идеи русского космизма, структурная антропология, синтетическая теория языковой эволюции. Диссертант опирается на теорию мифа А.Ф. Лосева,

синтезирующего в своей концепции идеи диалектического, феноменологического, структуралистского методов. В диссертации были использованы: цивилизационный подход, метод синхронного и диахронного анализа, сравнительно-исторический метод, являющийся основой «сравнительной мифологии» Ж. Дюмезиля. Применение того или иного метода было продиктовано логикой исследования, характером рассматриваемой проблематики и спецификой конкретного материала, анализируемого диссертантом.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- праиндоевропейские мифологемы реконструируются не только на основании данных индоарийской, иранской, осетинской (туранской), римо-италийской и германской мифологических традиций (Ж. Дюмезиль), но также древнегреческой, кельтской (кельто-иллирийской), армянской, славянской, балтской, хетто-лувийской, палеобалканских мифотрадиций;

- наряду с материалами сравнительно-исторического языкознания и археологии ономастические данные, полученные при сравнительном изучении индоевропейских мифологических традиций, используются для решения проблемы локализации прародины индоевропейцев;

- сопоставление различных индоевропейских традиций позволяет сделать вывод о том, что прародиной индоевропейцев являются земли в бассейне Эгейского моря, в т.ч. Пелопоннес и острова Эгейды.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Многообразие представлений о мифах как форме архаического мышления, идеологии первобытного общества, эмоционально окрашенном осмыслении феноменов мира и т.д. не исчерпывает специфики мифов. Реконструкция праиндоевропейской мифологии на основании сравнительного анализа индоевропейских мифологических традиций позволяет разработать представление о системе мифов как сакральной генеалогии. Мифологические традиции как системы мифов различных этносов представляют собой сакральные генеалогии и отражают воззрения людей традиционных обществ на мир как на космическую родовую общину.

2. Мифы древних индоевропейцев составляют основу парадигмы поиска индоевропейской прародины, т.е. ареала древнейшего индоевропейского этногенеза, глоттогенеза и культурогенеза. Индоевропейская прародина была тем регионом, где сформировались фундаментальные архетипы культур индоевропейских этносов. Ядром исследования индоевропейских мифотрадиций выступает древнегреческая мифология, сохранившая и сами праиндоевропейские мифологемы, и память об их месте в «космической» генеалогической системе, в то время как мифы других индоевропейских народов главным образом репрезентируют особенности мифологической ономастики.

3. События, описываемые в мифах, могут быть локализованы не только в сакральном, но и реальном пространстве и времени. Сравнительный анализ

мифообразов индоевропейских мифологических традиций указывает на конкретный локус индоевропейской ойкумены, с которым они связаны. Сопоставление результатов исследований в области лингвистической палеонтологии и археологии с итогами изучения индоевропейских мифотрадиций на основании сравнительно-исторического метода позволяет определить в качестве ареала индоевропейской прародины земли в бассейне Эгейского моря. Праиндоевропейский этнос выступает носителем неолитических культур Пелопоннеса, Киклад, Фессалии и Македонии (VII – VI тыс. до н.э.). Сопоставительный анализ сравнительной мифологии с материалами лингвистической палеонтологии и археологии позволяет локализовать в реальном пространстве не только индоевропейскую прародину, но и прародину носителей языков других языковых семей.

Практическое значение исследования состоит в возможности использования полученных результатов для подготовки соответствующих курсов лекций, спецкурсов, методических пособий по теории и истории культуры, культурологии, религиоведению, истории древнего мира, сравнительно-историческому языкознанию, элективных курсов для профильной школы.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации сообщались в докладах на международных и межрегиональных научных и научно-практических конференциях в Белгороде (Россия), Белфасте (Великобритания), Даргаме (Великобритания), Днепрпетровске (Украина), Дублине (Ирландия), Харькове (Украина). Диссертант принимал участие в работе Ежегодной конференции Ирландской ассоциации славистов (Королевский университет Белфаста, Белфаст, май 1993 г.), международной научной конференции «Индоевропейская прародина в пространстве и времени» (Королевская Ирландская Академия наук, Дублин, июнь 1995 г.), международной научной конференции «Проблемы истории и археологии Украины» (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьковское областное историко-археологическое общество, Харьков, 16 – 18 мая 2001 г.), международной научной конференции «История и культура Болгарии в лицах и образах» (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Великотырновский университет «Св. Кирилл и Св. Мефодий», Харьков, 6 – 7 октября 2005 г.), межрегиональной межвузовской научно-практической конференции «Язык, фольклор, культура: Проблемы взаимодействия» (Белгородский государственный университет, Белгородский государственный институт культуры и искусств, Белгород, 9 декабря 2005 г.).

Диссертант является действительным членом Британского отделения Международного Артурианского общества (British Branch of the International Arthurian Society), главное направление деятельности которого – изучение эпоса народов Западной Европы, а также является членом Харьковского

областного историко-археологического общества (Украина) и Крымского республиканского общества болгар им. Паисия Хилендарского (Украина).

Основные положения исследования отражены в публикациях автора.

Структура работы. Структура диссертации определена замыслом и логикой исследования, подчинена последовательному решению поставленных в диссертации задач. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность темы исследования, дается характеристика степени разработанности проблемы, определяются теоретико-методологические основы работы, цель и задачи, объект и предмет, новизна диссертационного исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Индоевропейский праязык и мифология»** предлагаются реконструкция индоевропейского праязыка на основе постулатов синтетической теории языковой эволюции и реконструкция праиндоевропейских мифологем с помощью сравнительно-исторического метода.

В первом параграфе **«Индоевропейский праязыковой глоттогенез»** рассматривается древнейший этап развития индоевропейского праязыка и культуры. Праязык – это язык-основа (предок), из диалектов которого произошла группа близкородственных праязыков и семья родственных языков современности. Любой праязык как совокупность реконструируемых форм (фонем, корней, слов, архетипов словосочетаний и предложений) крайне фрагментарно отражает реальный язык некоего этноса-носителя. Индоевропейский праязык – единственная семиотическая система культуры праиндоевропейского этноса, доступная для научного наблюдения. Фрагменты иных семиотических систем (погребальный обряд, прикладные искусства, народная архитектура), изучаемые археологами, не могут быть выстроены в подобное языковому древо родства, и поэтому часто произвольно связываются с тем или иным этносом – носителем того или иного праязыка. Поиск индоевропейской прародины, праиндоевропейского этноса и праиндоевропейской культуры возможен, прежде всего, средствами лингвистики с выходом в соответствующие нелингвистические сферы по принципу «языковой знак» – «денотат» – «десигнат» («обозначающее» – «значение» – «означаемое»). При этом не следует игнорировать результаты археологических изысканий, дающих обширный иллюстративный материал для исследований в области индоевропеистики. Первая стадия развития индоевропейского праязыка связана с его существованием в составе обширного языкового континуума или «первобытной языковой непрерывности» (типа

папуа-новогвинейской). Периферийные архаичные реликтовые идиомы этого языкового континуума доживали свой век на островах и мысах Эгейды, на Крите и Кипре, в Сирии и Месопотамии много веков после выделения из него индоевропейского, этрусского и других «ностратических» праязыков. Такие, прежде всего ономастические, реликты зафиксированы на островах Эгейского моря, на Крите, Кипре линейным письмом и даже греческим алфавитом, а на Ближнем Востоке – клинописью. Примерами могут быть ономастика Месопотамии и Сирии, происходящая из так называемых «банановых языков» (дошумерских, досемитских и дохурритских *banana languages* со структурой слов типа *ба-на-на*), субстратное слово *уруду* «медь» в шумерском языке, имена богов и богинь шумерского пантеона Уту, Забаба, Кубаба, Инана, а также критские тексты, выполненные линейным письмом А. Все это позволяет предварительно заключить, что «первобытная языковая непрерывность» простиралась от ближневосточного Плодородного Полумесяца до бассейна Эгейского моря и просуществовала до IV – III тыс. до н.э. Так называемые «ностратические» праязыки (по В.М. Иллич-Свитычу, В.А. Дыбо – семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) восходят не к некоему «ностратическому» протоязыку эпохи мезолита, а к ближневосточно-эгейскому языковому континууму. На первой стадии развития для индоевропейского праязыка были характерны слогоморфемный строй (структура слов: «согласный, гласный» + «согласный, гласный» + «согласный, гласный») и четыре тона. Древнейшими его носителями могли быть члены одного из племен Эгейды или Ближнего Востока. В эпоху неолитической революции произошло выделение индоевропейского праязыка, и других праязыков, из «первобытной языковой непрерывности».

Существует несколько внесистемных причин языковых инноваций. Прежде всего, это экстралингвистические инновации, воздействующие на носителей языка объективно извне (всякого рода природные катаклизмы, вновь открываемые закономерности и явления окружающего мира). Однако, помимо вульгарно материалистической схемы «явления внешнего мира – их отражение в сознании – отражение в языке», существует и иная схема: «Инновация в подсознании, сознании, надсознании и самосознании – инновация в материальной культуре – инновация в языке». Переход от присваивающего хозяйства к производящему стал важнейшим фактором, повлиявшим на выделение индоевропейского праязыка из доиндоевропейского языкового континуума. Кроме того, существуют экстралингвистические инновации, воздействующие на носителей языка субъективно изнутри (мелкие дискретные изменения психики, ощущений, восприятия, образов, понятий, мышления, сознания и самосознания). Первопричиной многих инновационных явлений в земной природе и в общественном сознании (подсознании, самосознании)

может явиться и воздействие солнечной активности, Солнечной планетарной системы (по В.И. Вернадскому, А.Л. Чижевскому). В этом явлении ищут причины как телесных заболеваний, эпидемий, так и отклонения от нормы в индивидуальном и массовом сознании человечества.

Выделением из «первобытной языковой непрерывности» эволюция индоевропейского праязыка не завершилась. Согласно синтетической теории языковой эволюции, языковая эволюция носит постепенный характер. После выделения индоевропейского праязыка из «первобытной языковой непрерывности» произошло его разделение (членение) на диалекты. Группировка древнейших диалектов индоевропейского языкового вида образовалась в результате дивергенции единого индоевропейского праязыка и не привела к возникновению нового общего языка, так как языковой ареал был прерванного типа. Несколько группировок праиндоевропейских диалектов образовали несколько компактных языковых массивов (языковых ареалов типа языковых союзов). Таким образом, индоевропейский праязык – это «генетический» предок существующей ныне семьи индоевропейских языков, сохраняющих материально и духовно выраженные элементы праязыкового кода в несколько преобразованном виде. Праязык фрагментарно восстанавливается из совокупных, сохраненных группой дочерних языков элементов праязыкового кода. Группа родственных индоевропейских языков (праязыков) возникла в процессе дивергенции индоевропейского праязыка в условиях всевозможных форм конвергенции как внутри родственной группы, так и с сопредельными гетерогенными языковыми группами и отдельными языками. Носители диалектов индоевропейского праязыка обитали в ареале одного из центров неолитизации. Ближневосточный и балканский центры возникновения производящего хозяйства входили в зону «первобытной языковой непрерывности», из которой выделился индоевропейский праязык.

Во втором параграфе *«Праиндоевропейская космогония и теогония»* предлагается реконструкция праиндоевропейских мифологем, отражающих представления праиндоевропейцев о мироздании. «Сравнительная мифология» доказывает верность идеи К. Леви-Строса о бинарных оппозициях как единицах первобытного мышления. Начало праиндоевропейской космогонии и теогонии представляется следующим образом в архаической мифологии.

Явленный мир есть следствие соединения двух миров – мира не сущего, ничего, которого нет (знак его – 0) и мира сущего, некоего, который есть (знак его – X). С мгновения слияния двух миров, неоформленное прежде сущее приобретает упорядоченность, форму, а не-сущее пребывает отныне в сущем (душа там, где и тело). Познание сущего, как оно есть, и не-сущего, как оно есть, сокрыто от людей. Они познают мир уже явленный и оформленный. Имя этого мира – Единое, Единица, Одно, знак его – 0X. Таково первое состояние мира. Единое, Единица распадается на противоположности, изначально

двоится, производит двойню. Имя двойни: др.-греч. Ὀυρανός «небо» и Γαῖα «земля»; др.-герм. Tuiston/Tuiscon, имена каждой части – Himins «небо» и Ertha «земля»; лат. Caelus «небо» и Terra «земля»; лит. Dievas, латыш. Dievs, прус. Deiws/Deuwis «небо» и лит. Žeme, Žemyna, латыш. Žemes mate «мать-земля» и брат ее Žemepatis «владыка земли»; праслав. Nebo, Nebesa «небо, небеса», Отец Небесный и Zemie «земля», Мать Земля; др.-инд. еще не разделенные Dyava-kśam, Dyava-kśama-, Dyava-bhumi, Dyava-prthivi «небо-и-земля», где Dyu «небо, блеск, жар, пыль, день» (то же, что dyó), а Prthivi «широкая (Земля)» из prthu «широкий, большой, огромный»; есть еще Dyu-pati «Владыка-Небо» и Dyaus-pita «Отец Небесный», Deva-matar «Небесная Матерь» и Prthivi-pati «Владыка Земли», dyu-patha «небесный путь, воздух». Во время отделения Неба от Земли, их отсечения друг от друга и разведения в разные стороны, появляется третье порождение явленного мира – «водный путь», которое древние греки звали Πόντος, индоарии – -path, -patha и dakṣina-patha, т.е. «путь правый, пространство к югу», а скифы – Pantí-karayam (Παντικάλαιον), т.е. «путь рыб». Явленные части небес, земли и моря образуют триаду, тройку и противостоят неявленному миру, не-сущему, неведомому, неизвестному, неданному, имя которому по-древнегречески Τάρταρος – «место без возврата».

На примере греческой философии можно обнаружить ее тесную связь не только с собственно древнегреческой мифологией, но и с праиндоевропейскими мифологемами, которые являются архетипическими образами, вошедшими в различные индоевропейские мифотрадиции. Генезис древнеиндийской философии, в свою очередь, теснейшим образом связан с осмыслением образов индоарийской мифологии и праиндоевропейского мифологического наследия.

Так, согласно учению Пифагора, истинно сущее нематериально, бестелесно, вечно и одно только действительно и действительно. Все остальное, соименное сущему, – это материальные и телесные виды, порожденные и разрушимы и никогда в подлинном смысле слова не существующие. Но познание истинно сущего связано с постижением соименных подобий. Тот, кто правильно находит общее, может правильно рассмотреть и частное. Первосущим и умопостигаемым является природа чисел и пропорций. Пифагор полагал, что Солнце расположено в том месте мироздания (ἴο κόσμος), которое соответствует числу семь, и является причиной смены дня и ночи и времен года. Светило движется среди десяти сфер, вращающихся вокруг центра и Очага (Ἑστία, Ἰστίη, Ἑστίη), т.е. негаснущего костра (τό πυρ) раскаленного эфира (ἴο, ἠ αἰθήρ), престола (θρόνος) «Небесного бога-отца» – Зевса (Ζεὺς), Космического Солнца, энергетического центра Вселенной, после сфер неподвижных звезд и пяти планет. За ним на восьмом месте находятся Луна (Σελήνη, Μήνη), на девятом – Земля (Χθών, χθονός), на десятом – Антиземля (Ἄντιχθων, ἄντιχθονος). Образование космоса Пифагор представлял

следующим образом. Вначале была бесконечная и беспредельная пустота (τό ἄλειρον κενόν), именуемая непосвященными зиянием (τό χάος, -εος, χαίνω) или мрачной тьмой (τό Ἔρεβος, -ους, -εος). Первыми появились да (ναί) и нет (οὐ), нечет и чет, одно и ничто (μόνος καί ζυγός), именуемые еще Ураном (Ὀυρανός) и Геей (Γαῖα). Из семени Урана, ставшего центральной точкой плоской окружности, которая стала вращаться и образовала поверхность шара (ἡ χροαία τῆς σφαῖρας), воссуществовало Единое (τό ἕν). После этого стали втягиваться ближайшие части окружавшего Единое пустого бескрайнего и ограниченного предела (τό πέρας). Добавив ничтожно малое к Единому, появилась Единица (ἡ μόνος, -άδος), «породившая» эфир, состоящий из множества подобных ей монад. Разгоревшись от быстрого вращения, монады составили огненный шар Очага, который образовал космос, в том числе телесную вселенную (χρόνια) в пространстве (χάος ἄλειρον) и времени (χρόνος). Согласно учению Пифагора, душа – осколок эфира, горнего воздуха, одновременно теплого и холодного. Этимологически слово ψυχή, ψυχή «душа» восходит к словосочетанию ψυχρός αἰθήρ «охлажденный эфир». После смерти человека его душа покидает подлунный мир и отправляется в царство Аида и Персефоны. Там ее ждет суд за все прижизненные деяния. Душе праведника будет даровано освобождение. Она вырвется из многострадального круга рождений (вплотений в различных живых существах), взлетит к Очагу в центре Вселенной и погрузится в лоно Гестии. Если же у человека есть долги перед смертными и бессмертными, то его душа будет свергнута в падение и, канув в Лету (Λήθη, Λάθα) – реку Забвения, охладившись и забыв прошлые жизни, а потом, больно ударившись о землю, окажется заключенной в какое-либо тело в подлунном мире. Три Мойры (Μοῖραι), обитающие в пещере у белых вод истока Леты, снова спрядут нить ее судьбы, отмерят нить и определяют ее длину.

Безусловно, на учение Пифагора оказали сильное влияние религиозные доктрины Древнего Египта, Финикии, Вавилона и Ирана, но не менее значительным было влияние идей ионийских натурфилософов и орфизма. Орфическая традиция тесно связана с древнейшими религиозными и мифологическими представлениями греков и, возможно, фракийцев. Идеи орфиков отражены в пифагорейской космологии и космогонии. Космогоническое учение орфиков сохраняет праиндоевропейские представления о том, что хаос преобразовался в космос, когда из изначальной Единицы появилась двойня – Небо и Земля. Характерной чертой и пифагорейзма, и орфизма было учение о метемпсихозе. Вопреки издавна бытовавшему мнению, это учение не заимствовано из Древней Индии. Представления о странствиях душ по кругу рождений являются общими для различных индоевропейских народов, т.е. являются частью праиндоевропейского религиозного и мифологического наследия. Источники свидетельствуют, что учение о

метемпсихозе вошло не только в индоарийскую, эллинскую и фракийскую религиозно-мифологические традиции, но и в кельтскую традицию.

Связь древнегреческого эпоса и характерного для религии древних греков культа героев с праиндоевропейскими верованиями, ритуалами, сакрально-религиозными мифами ярко иллюстрирует, например, рассказ о похоронах Патрокла в 23-й песне «Илиады». Данная сцена «Илиады» детально совпадает с похоронными царскими обрядами, описанными в официальных хеттских документах. Ритуал сожжения тела Патрокла соотносится и с соответствующими обрядами кремации в индийской культуре.

Таким образом, мифология и эпос эллинов представляют обширный материал для изучения индоевропейского мифологического наследия. Влияния «неиндоевропейского эгейского субстрата» на эллинскую духовную культуру весьма сомнительно, так как сами древние греки считали своих предков не пришельцами на юг Балкан, а выходцами из области Фтиотиды, что в Средней Греции.

Во второй главе «**Индоевропейские сакральные генеалогии**» мифологические традиции древних индоевропейцев рассматриваются как сакральные генеалогии, предлагается реконструкция праиндоевропейской сакральной генеалогии в соответствии с методами сравнительной мифологии.

В первом параграфе «*Этническое самосознание и сакральные генеалогии древних индоевропейцев*» рассматриваются базовые характеристики праиндоевропейского этноса в связи с реконструкцией праиндоевропейской (общейиндоевропейской) сакральной генеалогии. Лингвистические исследования (Ж. Одри, В.В. Иванов, Т.В. Гамкрелидзе, И.М. Дьяконов и др.) показывают, что индоевропейская языковая общность соответствовала древнему этносу – носителю индоевропейского праязыка. Доказательства генетического родства всех дочерних индоевропейских этносов и происхождения их от одного этноса (праэтноса) представлены в исследованиях генетиков и антропологов конца XX – начала XXI в. (Д. Ламберт и др.).

Создатели индоевропейских мифолого-эпических традиций описывали своих предков белокуроыми, синеглазыми, со светлой кожей. Это, возможно, связано с общеиндоевропейским этногенезом и феноменом комплиментарности, если использовать широко распространенный в этнологии термин, обозначающий симпатию представителей одного этноса друг к другу. Индоевропейские этносы от Греции до Индии приписывали себе определенный первоначальный (истинный) антропологический облик – «белокурый, светлый, (иногда) голубоглазый». О ранних этапах становления этнического самосознания праиндоевропейского этноса известно мало. В период развитого индоевропейского праязыка уже существовали лексические архетипы с понятиями «мы, свои, наши, люди (вообще)» и «иные, чужие, другие», что свидетельствует о наличии достаточно развитого самосознания. Подобным

образом обстоит дело с праиндоевропейским этническим самоназванием. Для архаичного мировоззрения характерно понимание космоса как универсальной родовой общины. В связи с этим древнейшим архетипом индоевропейских самоназваний было определение типа «дети праматери (богини) такой-то», например, племена богини Дану, данайцы – потомки Даная и Данаид, данавы – дети Дану, дайты – потомки Дити, адиты – потомки Адити, киммерийцы – потомки Великой матери богов Киммерис, тавры – потомки богини Тавро и т.п. Позже сформировались самоназвания от имени мифического прародителя типа пеласги – потомки Пеласга, аргивяне – потомки Аргоса, ликаонийцы – потомки Ликаона, кауравы – потомки Куру, пандавы – потомки Панду и т.п. Глубинные этимологии многих древних индоевропейских этнических названий приводят к именам тотемов (аиста, волка, медведя, быка, кобылы и т.д., например, киконы, вольки и т.п.) и водных объектов, особенно рек. Еще позже появились самоназвания, восходящие к названиям особых социальных подразделений – куреты, квириты, корибанты, дактили, кабейры (кабиры) и т.п.

Таким образом, индоевропейские этнонимы оказываются этимологически связанными с именами персонажей (образов) мифов, которые объединяются в систему по принципу родства. Каждая богиня-прародительница и каждый предок-эпоним занимают определенное место в сакральной генеалогии. Архаический миф не только связан с объяснением того или иного ритуала, воспроизводящего события «начала времен», но и является священным родословием, хранящим память о происхождении создателей этого мифа.

Во втором параграфе *«Предки древних индоевропейцев в сакральном и реальном времени и пространстве»* рассматриваются мифы индоевропейских традиций как элементы праиндоевропейской (общиндоевропейской) сакральной генеалогии, а также предлагается локализация их персонажей не только в сакральном, но и реальном пространстве и времени.

Как показывает сравнительный анализ индоевропейских мифологических традиций, древнегреческая мифология сохранила и сами праиндоевропейские мифологемы, и память об их месте в «космической» генеалогической системе, в то время как мифы других индоевропейских народов часто доносят лишь мифологическую ономастику. Таким образом, для реконструкции праиндоевропейской сакральной генеалогии ключевой оказывается именно эллинская мифологическая традиция. Сопоставив различные индоевропейские мифотрадиции с древнегреческой традицией, можно выявить праиндоевропейские (общиндоевропейские) мифологемы и локализовать их в реальном пространстве и времени. Так, например, мифы о странствиях Ио (Ἰώ), дочери бога реки Инах (Ἰναχός) в Арголиде, представительницы рода титана Океана (Ὠκεανός, Ὠκεάνης, -ου – «быстрый, скорый, стремительный», эпитет быстро движущейся планеты Венера) и титаниды Тетис (Τήτις, -δος – то ли от древнегреческого *τήθος*, -εος – «устрица», *τήθουο* – «асцидия»), то ли от

τήθη, τήθη – «бабушка» или τήθίς, -ίδος – «тетка по отцу или по матери» – владычица Венеры утренней восточной видимости), и мифы о потомках Ио соответствуют иранским мифам о перволюдях Гайомарте (Гайа Мартане, Каюмарсе), Машья и Машьянэ (Машьянак) и их потомстве, о первом царе династии Парадата-Пишдадилов Хушанге (Хаошьянгхе, Хошанге) и индоарийским мифам о потомках Ману Вайвасвата, сына Вивасвата и Сараньи, и Иды (Илы). Древнегреческая традиция дает более полную версию событий происходивших «в начале времен» в сакральном пространстве мифа и сохраняет полное родословие мифологических персонажей. Но в эллинских мифах точно указывается и реальное пространство, где происходили описываемые события. Кроме того, древние греки, судя по Паросской хронике, «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, «Мифологической библиотеке» Аполлодора и др., относили странствия Ио к эпохе, предшествующей походам Геракла и аргонавтов, которые состоялись до Троянской войны (т.е. до событий конца XIII в. до н.э.).

Ио в образе белой телицы во главе воинства аргосских, пеласгских и ахейских куретов покинула Аргос из-за преследований ревнивой супруги Зевса Геры. Она прошла Истм, Беотию, Фокиду, Локриду, Этолию, Акарнанию, Эпир. Ио остановилась на берегу реки Инах в Эпире, где куреты основали Додонское прорицалище, древнейшее в Греции. Затем она прибыла к заливу моря, названному в честь нее Ионийским Понтом (Ионийским морем). Здесь Ио повернула и отправилась на север, к горе Гем. Оттуда, преодолев Гемийский хребет (Балканский хребет, Стару Планину) и дельту Истра (Дуная), телица и куреты вышли в бескрайние степи. На Таврическом полуострове Осирис (Зевс) впервые впряг быков в ярмо и провел первую борозду плугом. Поэтому в честь быков та земля и народ получили название Таврика. Обойдя по Солнцу весь Понт Эвксинский (Черное море) и переправившись через Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Ио поднялась по реке Гибрист до самого ее истока в Кавказских горах, где был прикован Прометей. Там поселились куреты ахайев (ахеев). Преодолев Кавказ, телица Ио и оставшиеся с ней куреты пересекли страну колхов и страну халибов (где в Акмонийской роще Арес и нимфа Гармония зачали и породили род амазонок), перешли Фракийский Боспор (Босфор) и блуждали по Фракии. Вновь Ио бежала из Фракии во Фригию через Боспор Фракийский, затем через Таврийский хребет достигла Тарса, откуда вышла к городу Иоппа в Палестине. Из Иоппы Ио, сопровождаемая куретами, прошла через Месопотамию, Мидию, Бактрию в Индию. Затем, двигаясь в юго-западном направлении, она прошла всю Аравию, переправилась через Индийский Боспор (Баб-эль-Мандеб) и достигла страны эфиопов. Там она пошла к северу от истоков Нила, где пигмеи ведут постоянную войну с журавлями. Так, блуждая по огромным пространствам и переправляясь через многие реки и моря, Ио пришла к реке Нил, где вернула

себе прежний женский облик и родила на берегах Нила в его низовьях близ городов Бубастис и Саис сына Эпафа, зачатого от Зевса. Гера упростила куретов скрыть Эпафа, но Зевс перебил куретов. Ио блуждала в поисках сына по всей Сирии, пока не обнаружила Эпафа у жены царя города Библ, которая вскормила и воспитала Эпафа. Ио с Эпафом возвратились к Нилу, где она вышла замуж за Телсгона, царствовавшего тогда над жителями долины Нила. Телсгон усыновил Эпафа. В знак благодарности Ио воздвигла статую Деметры и учредила ее культ. После смерти Телсгона Эпаф воцарился над жителями долины Нила, женился на дочери Нила, нимфе Хеммиде, и основал город Хеммис. Эпаф и Хеммида породили дочь Либюз («принадлежащая юго-западному ветру, несущему дождь»). От брака Либюз и Посейдона родились близнецы Бел и Агенор. Бел воцарился в Хеммисе, женился на Анхиное, дочери Нила, от которой породил близнецов Египта и Даная, сыновей Кефея и Финея, а также дочь Дамно, став родоначальником великого рода.

Кефей, царствовавший в Хеммисе, женился на Кассиопее и поселился в Иоппе. Кассиопея родила ему прекрасную дочь Андромеду, которая с детства была обручена с Финеем, царствовавшим в Эфиопии. Однако, спасенная Персеем, она стала его женой и родила сына Перса, оставленного на воспитание Кефею и Кассиопее. От Перса, по данным эллинских мифографов, вели свой род персидские цари. По деду Перса его потомки носили древнее имя кефены. В ираноарийской традиции этой династии соответствует династия Парадата-Пишдадидов («Данные первыми», «Впереди поставленные»). Перса можно отождествить с правнуком Машья и Машьянэ Хаошьянгда Парадата (Хушангом, Хошангом) – родоначальником иранцев и первым царем Парадата, согласно Авесте, текстам «Бундахиши», «Дадастан-и меног-и храд», «Денкарт», эпосу «Шах-наме». В индоарийской традиции потомки Ману Вайваствата (его сын Икшваку, например, считался родоначальником царей Солнечной династии, а еще один сын Пуруравас – основателем Лунной династии царей) соответствуют потомству Агенора эллинских мифов. Сына Агенора Фойника можно считать мифическим прародителем ближневосточных ариев, создавших вместе с хурритами в Сирии царство Митанни (Маиттани, Ханигальбат, Хабингальбат, XVI – XIV вв. до н.э.). Описанная в «Махабхарате» роскошная столица Кауравов Хастинапура вряд ли соответствует Хастинапуре, локализованной археологами в долине Ганга. Хастинапура на полуострове Индостан существовала в конце II – начале I тыс. до н.э. и была лишь скоплением хижин с немногочисленными благоустроенными домами, построенными из кирпичей. Возможно, Хастинапура «Махабхараты» – это один из городов Месопотамии или Леванта. Отождествление Ланки, где правил царь демонов-ракшасов Равана, с островом Цейлон – явление достаточно позднее. Индоарии сингалы поселились на Цейлоне только в I тыс. до н.э. Возможно, Ланка «Рамаяны» – это Кипр или Крит.

Итак, можно сделать вывод, что в мифах об Ио и ее потомках, а также в мифах о Гайомарте, Машья и Машьянэ и их потомстве и в мифах о потомках Ману Вайвасвата речь идет о древнейших миграциях индоевропейских «сатемных» племен с их прародины на полуострове Пелопоннес в процессе расселения по ойкумене. Анализ древней ономастики Балкан, Подунавья, Северного Причерноморья, Закавказья, Малой Азии, Ближнего Востока, Северной Африки свидетельствует в пользу данной гипотезы. Сравнивая кельтские мифы, зафиксированные в «Книге захватов Ирландии», «Истории бриттов» Ненния, «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, ирландских сагах и валлийских сказаниях, со сведениями античных авторов и эллинскими мифами о нимфе Галатее и циклопе Полифеме и их потомках, можно предположить, что «кентумные» кельто-иллирийские племена тоже начали свой путь по ойкумене с юга Балкан. Сицилия и Южная Италия стали их промежуточной прародиной.

Таким образом, представляется принципиально важным тот факт, что, благодаря сопоставлению образов древнегреческой мифологии с мифообразами других индоевропейских традиций, реконструируются праиндоевропейские мифологемы. Персонажи индоевропейских мифов образуют единую систему, организованную в виде сакральной генеалогии. События, описанные в мифах древних индоевропейцев, могут быть отнесены не только к сакральному пространству ритуала и «началу времен». Эллинская мифологическая традиция позволяет обозначить реальный локус индоевропейской ойкумены, выявляемый в процессе анализа мифологических сюжетов.

Сопоставляя данные сравнительной мифологии с материалами лингвистической палеонтологии и археологии, можно локализовать не только индоевропейскую прародину, но и прародины носителей языков других языковых семей. Например, сакральные генеалогии древних сврсов и арабов достаточно точно определяют регион, откуда начали свой путь к местам исторического расселения предки этих народов во главе с праотцом Авраамом. Авраам был выходцем из окрестностей города-государства Ур на юге Месопотамии (в стране Сенаар-Шумер). Даже библейское название рая – «Сад Эдем» (עֵדֶן), по всей видимости, восходит к шумерскому наименованию степей в районе шумерских городов-государств Эреду, Ур и Лагаш «Ан-эден (Высокая степь)».

Таким образом, благодаря сакральным генеалогиям родственные этносы хранили память об общем происхождении. Например, тайскоязычные народы тайцы (малые тай), шаны (большие тай) и лао считаются потомками одного мифического предка – Кун Борома. Они осознавали свое этническое родство и после образования первых тайских и лаосских государств. В 1354 г. основатель лаосского королевства Лансанг Фа Нгун отправился в поход на тайское королевство Чиангмай. Король Чиангмая Пайу, будучи не в силах отразить

нашествие, лично прибыл в ставку Фа Нгуна и, сославшись на происхождение от одного предка – Кун Борома, предложил мир. Мирный договор был подписан.

Итак, сопоставление результатов исследований в области лингвистической палеонтологии, археологии и сравнительной мифологии позволяет локализовать индоевропейскую прародину в бассейне Эгейского моря. Праиндоевропейский этнос представляется создателем неолитическими культур Пелопоннеса, Киклад, Фессалии и Македонии (VII – VI тыс. до н.э.). Интересно, что на Пелопоннесе есть гора Олимп Элидский. Широко известен Олимп Фессалийский. Возможно, с тем, что вокруг этих Олимпов жили древнейшие индоевропейцы, связано почитание Олимпа как обители богов в древнегреческой и римской традициях, представления индоариев о существовании священной горы Меру в центре мира, ираноариев – о священной горе Хара Березайти (Эльбурс) и т.п. Олимп (**Ólympos*) – это этимологически «(всеобщий, вселенский) пуп земли» (из индоевропейского диалектного *omb(h)-/ump-* «пуп»; древнегреческий рефлекс – **ομφ-άλδος* «пуп»).

Таким образом, мифологическая традиция как система мифов этноса является сакральной генеалогией. Сравнительно-исторический анализ индоевропейских мифотрадиций позволяет выявить праиндоевропейские (общеевропейские) мифологемы.

Праиндоевропейские мифологемы локализируются не только в сакральном, но и реальном пространстве и времени. Данные сравнительного изучения индоевропейских мифотрадиций указывают на Эгеиду, Причерноморье, Ближний Восток как на земли, в которых обитали предки индоевропейцев задолго до Троянской войны и движения «народов моря» (в конце II тыс. до н.э.).

Сопоставив данные сравнительной мифологии, лингвистической палеонтологии и археологии, можно сделать вывод, что древнейший ареал индоевропейского этногенеза, глоттогенеза и культурогенеза следует отождествить с балкано-эгейским очагом возникновения производящего хозяйства, включающим юг Балкан и острова Эгейского моря.

Итак, мифотрадиции древних индоевропейцев составляют основу парадигмы поиска индоевропейской прародины, т.е. того «первого дома», в котором далекие предки славян еще жили вместе с предками других индоевропейских народов.

В заключении подводятся итоги, определяются направления дальнейшей разработки поднятых в диссертационном исследовании проблем.

По проблеме диссертации автором опубликован ряд научных работ:

1. Череди́ченко А.Г. Про локалізацію прабатьківщини індоєвропейців // Збірник наукових праць Харківського державного педагогічного університету

ім. Г.С. Сковороди: Серія “Історія та географія”. – Вип. 9. – Харків: ОВС, 2002. – С. 167 – 171;

2. Чередниченко А.Г. До проблеми про джерела етногенезу древніх македонян // Збірник наукових праць Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди: Серія “Історія та географія”. – Вип. 10. – Харків: ОВС, 2002. – С. 5 – 10;

3. Чередниченко А.Г. Проблема етногенезу стародавніх фракійців // Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції “Динаміка наукових досліджень ‘2004” (Дніпропетровськ, 21 – 30 червня 2004 року). – Т. 8: Історія. – Дніпропетровськ: Наука і освіта, 2004. – С. 32 – 34;

4. Чередниченко А.Г. Об источниках по проблеме этногенеза древних македонян // Харьковский историко-археологический сборник «Древности» 2004 / Гл. ред. В.И. Калеев. – Харьков: Харьковское историко-археологическое общество, НМЦ «МД», 2004. – С. 38 – 42;

5. Чередниченко А.Г. Развитие духовности школьников на этнокультурологическом материале: Мир человека древности в зеркале мифов и легенд // Духовность и искусство в системе образования: Сборник материалов международной научно-практической конференции «Духовность и искусство в системе образования», 4 ноября 2004 г. / Управление образования и науки Белгородской области, Белгородский региональный институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов, Центр художественно-эстетического образования. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2004. – С. 256 – 260;

6. Чередниченко А.Г. Миф как исторический источник (в связи с индоевропейской проблемой) // Матеріали Першої Міжнародної науково-практичної конференції “Науковий потенціал світу ‘2004” (Дніпропетровськ, 1 – 15 листопада 2004 року). – Т. 74: Філософія. – Дніпропетровськ: Наука і освіта, 2004. – С. 35 – 36;

7. Чередниченко А.Г. К проблеме методов поиска прародины славян и других индоевропейцев // Социальная динамика региона: Сборник научных трудов участников V межрегиональной научно-практической конференции (Белгород, 27 – 28 апреля 2005 г.) / Правительство Белгородской области, Управление культуры Белгородской области, Белгородский государственный институт культуры. – Белгород: БелГИК, 2005. – С. 51 – 53;

8. Чередниченко А.Г. Индоевропейский праязыковой глоттогенез в свете синтетической теории языковой эволюции // Язык, фольклор, культура: Проблемы взаимодействия: Материалы межрегиональной межвузовской научно-практической конференции (Белгород, 9 декабря 2005 г.) / Белгородский государственный университет, Белгородский государственный институт культуры и искусств. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – С. 372 – 376.

А.Г.Ч

Подписано в печать 17.04.2006. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times. Усл. п. л. 1,28. Тираж 100 экз. Заказ 72.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в издательстве
Белгородского государственного университета
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

2006A
9231

W - 9231